

побочными средствами, для чего весь гениальный размахъ въ описаніи психологическихъ особенностей русской души: проще было сдѣлать „*Войну и Миръ*“ историческою картиною, а не громаднымъ, всемірно-историческимъ, незаконченнымъ полотномъ. Что то есть превышающее все написанное доселѣ въ изумительномъ романѣ Льва Толстого. Я называю этотъ романъ незаконченнымъ полотномъ: неужели боренія духа Пьера Безухова, мысли о террористическомъ актѣ надъ Наполеономъ, плѣненіе, опрощеніе—все это свелось къ тому, чтобы Пьеръ нашелъ покой и разрѣшеніе всѣхъ смятеній подъ башмакомъ у своей жены, нѣкогда одухотворенной Наташи, а потомъ огрубѣвшей и потолстѣвшей Натальи Ильиничны. Неужели задача Толстого заключалась въ томъ, чтобы великія человѣческія страсти завершались мѣщанскимъ успокоеніемъ? И судьба всѣхъ Безухихъ — байбачество, и судьба всѣхъ Наташъ—отправленіе органически животныхъ функцій: соединенія, размноженія, питанія? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ: великій тайновидецъ души человѣческой тутъ замолчалъ предъ собой: цѣлесообразность моментовъ „*Войны и Мира*“ — цѣлесообразность безцѣльная: не религіозно-просвѣтленное искусство, а своеобразный, сознательный эстетизмъ. Что Толстой замолчалъ отъ неумѣнія высказаться, а не отъ того, что высказался до конца, видимъ мы на своеобразной судьбѣ „*Натальи Ильиничны*“, съ подчеркнутой рѣзкостью прославляемой имъ нѣкогда: вѣдь судьба всѣхъ Наташъ въ дальнѣйшей перипетіи толстовскаго творчества — превратится въ Анну Каренину и далѣе: въ героиню „*Крейцеровой сонаты*“.

Въ этомъ указанномъ смыслѣ форма произведеній Льва Толстого не адекватна ихъ содержанію. По неполному овладѣнію формой узнаемъ внутреннюю борьбу въ художникѣ Львѣ Толстомъ. Той борьбы мы не встрѣтимъ у Пушкина, какъ не встрѣтимъ ея у Гете. Законченный типъ художника-классика былъ искони чуждъ Льву Толстому. А этотъ типъ есть совершеннѣйшій типъ художника. Заверши Толстой свое огромное художественное полотно, сведи къ композиціонному единству всѣ детали архитектоники, онъ всталъ бы въ вѣкахъ выше всѣхъ Софокловъ, Гете, Шекспировъ, ибо даже въ своемъ незаконченномъ творествѣ онъ, какъ Достоевскій и Ибсенъ, поднялся на уровень нѣкоторыхъ изъ нихъ. Но въ какомъ-то послѣднемъ и высшемъ смыслѣ Толстой—неудачникъ художникъ, ибо онъ—художникъ, не вполне овладѣвшій формой.